

В. Костэкел

СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКИЙ МЕТОД В РУМЫНСКОЙ МЕДИЕВИСТИКЕ

(ОПЫТ ИЗУЧЕНИЯ ФЕОДАЛЬНЫХ ИНСТИТУТОВ)

I

Изучение средневековой эпохи румынского народа сопряжено с немалыми трудностями. Источники, отображающие древнейший период средневековой истории, довольно малочисленны. А источники, дошедшие до нас, имеют большей частью стереотипный характер и изобилуют стандартными формулами. Такие условные работы особенно заметно отразились на изучении экономических и социальных отношений; этот раздел истории румынского народа значительно отставал от других разделов, главным образом — политической истории. Недостаточно углубленное и систематическое изучение вопросов внутреннего быта лишало историков возможности определить истинный характер румынского средневекового общества.

Другим тормозящим фактом было то, что многие историки изучали историю румынского народа не выходя за пределы истории своего лишь народа. Вследствие этого от внимания историков, долгое время, ускользали многочисленные феодальные элементы, наличие которых неоспоримо доказывало феодальный характер румынского средневекового общества.

Применение такого рода метода приводило нередко историков к выводам научно необоснованным. Это особенно отразилось на изучении двух основных вопросов средневекового общества: землевладения и закрепощения крестьян. Так, например, некоторые историки утверждали, что в румынских княжествах всякого рода землевладение, хотя бы и одним наделом, носило боярский¹ характер и что румынские крестьяне всегда были несвободными².

¹ C. C. Giurescu, *Istoria Românilor*, vol. III, partea II, стр. 715.

² C. Giurescu, *Studii de istorie socială*, Бухарест, 1943, стр. 22, 37.

Но, со временем, такой метод исследования был оставлен историками. Стали привлекать все в большем масштабе материалы относящиеся к истории других народов, главным образом соседних, что позволяло обнаружить родство разных социальных явлений. Сравнительно-исторический метод стал играть все более важную роль в трудах румынских историков.

Виднейший румынский славист И. Богдан был одним из первых, применивших сравнительно-исторический метод в своих исследованиях, посвященных древнейшим румынским институтам³. Так его труд, в котором изложен вопрос о средневековом румынском институте «князей», обоснован на обширном сравнительном материале. И. Богдан, ознакомившись с основными чертами этого института в истории румын (в Молдавии, Валахии и Трансильвании), расширил рамки своего исследования, используя материал из истории Сербии и Галиции. На основании изученного материала, румынский историк пришел к выводу, что под славянским наименованием «князья» скрывается характерный румынский институт. Применяв сравнительный метод изучения, И. Богдан использовал материалы, относящиеся к социальной истории славян, венгров и западно-европейских народов.

Вслед за И. Богданом и другие историки стали применять сравнительный метод в изучении древних румынских институтов. Так Р. Розетти, исследователь земельного строя у румын, в своем труде «Земля, крестьяне и землевладельцы в Молдавии»⁴ применил также сравнительный метод, используя главным образом материалы, отображающие социальные порядки народов соседних с румынами. Этим же путем шел и И. К. Филитти, занимавшийся вопросами земельной собственности в румынских княжествах⁵.

Особенно важных и ценных результатов достиг Н. Йорга, главным образом в своих трудах — «Общность характера институтов Юговосточной Европы»⁶ и «Византийская деревня»⁷. Превосходный знаток истории европейских народов, он широко использовал свое знание источников и применил сравнительно-исторический метод для изучения социальной истории румын. Указав на сходство социальных отношений у народов населяющих юг и восток Европы, Н. Йорга уделил особое внимание истории крестьянства и румынской деревни. Определяя условия жизни различных категорий сельского населения, Н. Йорга отмечает сходство жизни крестьянина в румынских княжествах, в странах южных славян и в Византии. Так категорию свободных крестьян в Византии — «элеверов» — сравнивает

³ *Originea voevodatului la români*. Analele Academiei Române, Memoriile Secțiunii Istorice, 1902/24; *Despre cneji români*, An. Ac. Rom., Mem. Secț. Ist., 1904/26.

⁴ *Pământul, sătenii și stăpînii în Moldova*, Бухарест, 1907.

⁵ *Proprietatea solului în peincipatele române pînă la 1864*, Бухарест, 1935.

⁶ *Le caractère commun des institutions de sud-est de l'Europe*, Париж, 1929.

⁷ *Etudes byzantines*, Бухарест, 1940, II, 375—412.

с категорией свободных крестьян в Молдавии — «мошнян» и «резешей»⁸. Указывает на сходство положения византийского парика и молдавского «суседа». Объясняет ухудшение положения «париков» на примере «суседей» в Молдавии. На основании материалов, относящихся к истории народов юго-восточной Европы, отмечает основные этапы процесса закрепощения крестьян, который превращал свободных крестьян в зависимых, подчеркивая, что и у румын основные черты этого процесса были те же⁹.

Труды вышеуказанных историков, применивших сравнительно-исторический метод, внесли много нового по вопросу изучения социального строя румын. Стало очевидным, что изучение этого раздела румынской истории не может дать положительных результатов, без привлечения однородных элементов и из истории других народов. Необходимость применения этого метода диктовалась и румынской дипломатикой, для которой характерна очень пестрая и своеобразная терминология, заимствованная у славян, греков, венгров, монголов. Для примера достаточно указать на некоторые феодальные термины как: «отчина», «охаба», «выслужение» — славянского происхождения; «виглу», «ангария» — византийского, «хитлѣнство», «урик» венгерского, «тархан» — монгольского.

Познакомившись с терминологией румынских средневековых памятников, с первого взгляда было трудно определить какие социальные институты скрываются под этими различными наименованиями, нерумынского происхождения. В виду этого, условия работы требовали предварительного изучения социального строя народов, с которыми румыны соприкасались в средние века. Прежде всего приходилось сопоставлять однородные термины в дипломатике вышеуказанных народов. Так, например, удалось установить что молдавский термин «выслужение» во многом соответствует литовской «выслуге»; термин «тархан» имел применение в русской средневековой дипломатике, будучи заимствован у татар; «привилия», характерный для молдавской дипломатики, происходит от термина «привилей», часто упоминающийся в грамотах литовского княжества, заимствованный из западноевропейской дипломатики (лат. *priva lex*).

Изучение этой разнообразной терминологии, на основании сравнительных данных, привело к выводу, что многие термины румынской дипломатики вскрывают наличие институтов феодального характера. Такие термины, как «дедина», «отчина», «выслужение», относятся к разным формам феодального землевладения; термины «привилия», «тархан», «слобозия» — указывают на существование иммунитета, одного из типичных институтов феодального общества; наименования «вечин» и «сусед» говорят о наличии соседской

⁸ Указ. произв., II, стр. 411.

⁹ N. Iorga, *Le caractère commun des institutions du sud-est de l'Europe*, стр. 134—136.

общины; термины «ангария», «вигла», «повоз и подвода» — доказывают, что в румынской общине крестьяне обязаны были нести различные повинности феодального характера: термин «глоба» указывает на применение системы уголовных штрафов, характерной для феодального уголовного права.

Наличие подобной терминологии у румын, которая в истории соседних народов отображала существование феодального строя, позволяет предполагать, что такого рода порядки имели место и в румынском обществе. Установление общности терминологии приводило к предположению, что за общими терминами скрываются тождественные социальные институты.

Таким образом, изучение социального строя румынского народа в феодальную эпоху потребовало крупной предварительной работы, основанной на широком применении сравнительного метода.

Исследование некоторых феодальных институтов было особенно затруднено тем фактом, что в румынских источниках они обозначались стандартными формулами, значение которых было неясно. К этой категории относятся такие формулы, как «очина и охаба» и «урик съ въсем доходом». Изучение других институтов тормозилось тем, что они не носили никакого специального наименования в источниках изучаемой эпохи. Так, например, сельская община, которая у соседних славянских народов носила определенные наименования — «вервь» и «мир» у русских, «ополье» у поляков, «околина» у сербов — в румынских памятниках не имеет определенного наименования. Для того чтобы вскрыть наличие сельской общины у румын, пришлось восстанавливать ее структуру, отыскивая ее характерные черты, как: право близости (*protimisis*), дававшего соседям предпочтение при покупке соседнего участка, обычай гонения следа, право на суд, круговая ответственность и другие. Но прежде чем определить характер румынской средневековой общины, пришлось предварительно изучать формы сельской общины у славянских соседних народов. И только благодаря сопоставлению различных элементов, свойственных общинной организации, с данными румынских источников, становилось очевидным наличие сельской общины в румынском средневековом обществе. Без применения сравнительного метода многое осталось бы неясным в жизни румынской средневековой деревни.

II

Изучение вопроса сельской общины имело особенно важное значение в связи с установлением условий, при которых зарождались феодальные отношения в румынских княжествах. Оставляя в стороне вопрос о существовании сельской общины, нельзя было бы восстановить полностью процесс образования крупного феодального землевладения. Кроме того, изучение осложнялось и тем, что румынские источники отражают главным образом тот период, когда сельская община уже разлагалась и когда общинная

собственность на землю и выделившаяся индивидуальная крестьянская собственность стала переходить в руки светской и духовной знати.

Румынские источники содержат многочисленные данные, отображающие процесс разложения сельской общины. Одним из важнейших признаков разложения общины является продажа крестьянских наделов, следствием которой было обезземеливание крестьян. На процесс разложения указывало и появление новой категории крестьян, носившей наименование «сирамахов» и «сираков» в Валахии и «убогих» в Молдавии¹⁰. Ограничиваясь лишь изучением румынских источников, было бы трудно установить, причины, которые привели к появлению этой новой категории крестьян. В XV веке, когда эти наименования появляются в румынских источниках, уже многие из них попали в феодальную зависимость, что давало повод утверждать, что речь идет лишь о категории зависимых крестьян.

Сравнительное изучение материалов, касающихся истории крестьян, показало, что на данном этапе своего развития, в разных странах в средние века крестьян стали именовать «убогими» и «сиротами». Например: «сиротами» в древней Руси, «убогими» в Византии. Это новое наименование, указывающее на бедственное положение крестьян, должно было быть вызвано какими-то серьезными изменениями, произошедшими в положении крестьян. Среди источников различных народов, в которых упоминаются термины обозначающие крестьян как бедняков, исключительно ценное указание находится в сербских источниках, где так же были в употреблении термины «убогие» и «сиромаси». Так в одной из редакций законника Стефана Душана есть указание, что «Кто сиромас не има бацтина»¹¹. В валашских памятниках так же встречаются указания на то, что «сиромаси» — это крестьяне-общинники, но не имеющие наделов: «а они не сѣт били сиромаси а нѣ сѣт с комати» (с наделами земли). На основании приведенных источников можно было заключить что категория крестьян, носившая наименование «сирот» и «убогих», состоит из непосредственных производителей без земли-без «отчины», без «надела». Потеря права на свой дедовский надел, потеря основного средства производства создавала новую категорию крестьян, вынужденную либо работать на земле феодала, либо искать новых средств для обеспечения существования, например, заняться торговлей, как это было в Валахии и Молдавии.

Этот процесс обезземеливания крестьян с одной стороны вскрывает условия, при которых происходит рост крупного феодального землевладения, как результат социальной дифференциации внутри общины. С другой стороны,

¹⁰ V. Costăchel, *Desagreagarea obștii sătești în țările române în eoul mediu. Săracii*, «Studii și referate privind Istoria României, I, 1954, стр. 769—775.

¹¹ С. Новакович, *Законик Стефана Душана цара српского 1349 и 1354*. Белград, 1898, стр. 50.

дает возможность проследить, как появляется категория зависимых крестьян, утративших право на землю.

Но крупное землевладение возникало и другим путем—массовой раздачей земель боярам и должностным лицам господами румынских княжеств. В румынских средневековых памятниках такого рода землевладение называлось « даания » и « милость », пожалование полученное за несение « верной и правой службы ». Историки, не обратившие внимания на феодальный характер этой формы землевладения, считали, что земли раздавались боярам за выполнение какой-либо должности — административно — судейской или же придворной¹². И так как считалось, что землей награждали за несение какой-либо государственной должности, историки не указывали на условный характер этой формы землевладения. Во второй четверти XV века в Молдавии стали применять еще один термин для обозначения земельного пожалования « выслужение ». Появление этого термина вскрывает наличие феодального землевладения—как временного владения, с обязательством несения военной службы. Но в румынских источниках были не мало и других данных, указывающих на существование условного землевладения, еще до появления термина « выслужения », заимствованного из литовской дипломатики. Так в первой четверти XV века, в связи с земельным пожалованием употребляли формулу « где дом его »¹³. Значение этой формулы было неясно, пока не было установлено, как надо понимать термин « дом ». Румынские источники не давали ответа на этот вопрос, тогда как привлечение славянских памятников, главным образом древне-русских и сербских, показало, что термин « дом » надо понимать как « поместье », хозяйственный комплекс, обеспечивающий содержание княжеских слуг, несущих военную службу¹⁴. Получить земельное пожалование, с указанием « где дом его » означало на языке времени — получить поместье — получить землю в условное владение. Во второй четверти XV века, термин « выслужение » вытесняет формулу « где дом его », т.к. временный характер земельного пожалования постепенно исчезает. Когда пожалования земли становятся наследственными и землевладельцы получают неограниченное право распоряжаться ими — термин « выслужение » вытесняется термином « отчина ».

В процессе образования феодального землевладения, эти три термина — « дом » — « выслужение » — « отчина », тесно связанные один с другим, указывают на различные этапы этого процесса: от испомещения дружинника до появления земельной собственности на полном праве. Процесс образования феодального землевладения сложен и трудноуловим; при изучении

¹² A. I. Ștefulescu, *Documente slavo-române*, Tr. Жиу, стр. 144—145.

¹³ V. Costăchel, *La formation du bénéfice en Moldavie*, «Revue historique du Sud-est européen», XXIII, 1946, стр. 119—121.

¹⁴ V. Costăchel, *Termenul «dom» în documentele slavo-române*, «Studii», 1953/1.

славянской терминологии румынских памятников остается много неясного. Без привлечения славянских источников, не было бы возможным раскрыть смысл этой феодальной терминологии, указывающей на наличие феодального землевладения в румынских княжествах.

Выяснение вопроса о наличии феодального землевладения в румынских княжествах имело огромное значение для обоснования теории о существовании феодализма у румын, т.к. собственность феодалов на землю являлась основой средневекового феодального общества.

III

Применение сравнительного метода внесло также большую ясность и в вопрос касающийся исследования форм феодальной зависимости и феодальной ренты.

В средневековую эпоху румынские крестьяне носили разные наименования, большинство которых было славянского происхождения: «люди», «межиаши», «суседи», «убогие», «сиромаси», «наследници», «князы». Определить характер каждой из этих категорий сельского населения было делом нелегким, потребовавшим напряженного труда со стороны румынских историков. Славянская терминология значительно затрудняла изучение истории румынского крестьянства и заставляла обращаться к истории крестьян у славянских народов.

Одно из самых древнейших наименований, которые носят румынские крестьяне в средневековых источниках — это «люди». На основании румынских памятников XIV—XV веков явствует что «люди» представляют сельское население румынских княжеств. Из румынских источников трудно извлечь еще какие-либо добавочные сведения, касающиеся этой категории крестьян. Но термин «люди» имеет общеславянский характер. Он упоминается в главнейших памятниках славянского феодального права — «Русской Правде»¹⁵ и «Законике Стефана Душана»¹⁶. Многие исследователи этого термина в славянских памятниках пришли к выводу, что он относится к крестьянам-общинникам¹⁷. Использование этого вывода для определения термина «люди» в румынских памятниках имеет большое значение, так как наличие этого термина является одним из признаков, указывающим на существование общины и у румын. Но термин «люди», указывая на существование общины, не определяет о какой общине идет здесь речь. Тем не менее, в румынских средневековых источниках встречаются и другие наименования крестьян общинников, на основании которых можно утверждать, что это была сельская община. Так крестьяне-общинники назывались «суседы» в Молдавии

¹⁵ *Правда Русская*, изд. Академии Наук СССР, II, стр. 774.

¹⁶ С. Н о в а к о в и ч, указ, произв., стр. 293.

¹⁷ *Правда Русская*, стр. 262 и 270.

и «вечины» в Валахии. Если первый термин славянского происхождения, то второй происходит от латинского термина «*vicinus*». В румынских источниках оба наименования появляются тогда, когда крестьяне-общинники частично уже находились в феодальной зависимости, что послужило поводом лишать вышеуказанные наименования свойства обозначать категорию зависимых крестьян. Но было неясно, почему зависимые крестьяне назывались «соседями» и румынские источники не давали никаких добавочных разъяснений по этому вопросу.

Обратясь же к изучению средневековых памятников — романских и славянских народов — было установлено, что оба наименования там постоянно применяются для обозначения крестьян-общинников. Так у народов латинского происхождения — в Испании, Италии, Франции — члены сельской общины назывались соседями и их наименование происходило от латинского термина — «*vicinus*» (*voisins, los vecinos*). Сопоставляя эту терминологию с румынским термином «*vecin*», становится очевидным его латинское происхождение¹⁸. Нет оснований не признать значения этого латинского термина и для его румынской формы. Термин же «сусед» — славянского происхождения, встречается в литовских¹⁹ и русских источниках²⁰ — как «люди суседи» или же «суседи околичные». Наличие термина «сосед» в источниках различных народов, как латинских, так и славянских — создает уверенность, что и термины румынских источников обозначают крестьянина-общинника. Перемены, происшедшие в положении крестьянина, когда он из свободного превращается в зависимого, способствовали семантическому изменению термина «сусед». Как было уже указано выше, в связи с изменениями, происходившими в экономическом и правовом положении крестьян, появились и новые наименования — «сирмахов» в Валахии и «убогих» в Молдавии. Появление этой новой терминологии совпадает с усилением процесса феодализации. На основании румынских источников создавалось впечатление, что все эти термины «вечины», «суседи», «сирмахи», «убогие» — относятся к категории зависимых крестьян. Но, рассмотрев этот вопрос в свете сравнительных материалов, нужно думать, что первоначальное значение терминов «вечин» и «сусед» было вытеснено теми новыми явлениями, которые произошли в жизни крестьянина.

Что же касается вопроса феодальной ренты — там тоже было много неясного для историка, строившего свое исследование только на основании румынских источников. Немало усилий потребовалось, чтобы определить

¹⁸ V. Costăchel, *Despre problema obștiilor agrare în Țara Românească și Moldova în secolele XIV—XV*, «Studii și cercetări de Istorie Medie», 1951/I, стр. 91—109.

¹⁹ «Акты Южной и Западной России», 1, №№ 6, 140, 144.

²⁰ Псковская судная грамота, стр. 9, 15, 34, 51, 55, 56, 66, 76, 100. Акты юридического быта, стр. 1, 53.

в чем состояли такие повинности, как « виглу », « посада », « ангария », « повоз и подвода », « трети́на », « илиш » и другие.

Для того чтобы выяснить значение этих повинностей, пришлось привлечь различные материалы из истории средневековой Европы. Так для выяснения термина « виглу »²¹ были привлечены сербские и византийские источники. В сербских памятниках этот термин встречается в форме « бигле », а в сербских грамотах писанных на греческом языке в форме « βιγλα » и « βιγλατικόν »²². Этот термин применялся и в византийских грамотах, а также и в памятниках относящихся к истории византийских владений — Кипр, Корфу, Эпир — в формах — « vigla », « viglatikon »²³. Все формы этого термина происходят от латинского термина « vigilia »²⁴, обозначающего военную повинность, очень распространенную в средневековой Европе. Наличие этого термина в румынских источниках приводит к выводу, что такого рода повинность, имеющая военный характер, существовала и в румынских княжествах. Эта же повинность позднее — во второй четверти XV века — носила уже славянское название « посады » и состояла в охране крепостей, дорог и границ государства.

Феодальная повинность, связанная с транспортом, кроме формулы славянского происхождения « повоз и подвода », обозначалось и термином греческого происхождения — « енгария » (αγγαρεία)²⁵. Из румынских источников узнаем об ее существовании, но не находим указаний относительно того, в чем она состояла. Транспортная повинность была очень распространенной в средневековой Европе: существовала в Византии, в балканских странах, в древней Руси. В Черниговской и Галицкой землях она была известна уже в половине XII века и состояла в обязанности населения доставлять князю, должностным лицам и гонцам подводы с проводниками и гребцами²⁶. Весьма схожий характер она имела и в других славянских странах — в Польше, в Чехии. Не имея конкретных данных в румынских источниках, приходится думать, что и в румынских княжествах она состояла из тех же обязанностей.

Так же на основании румынских памятников нельзя было определить в чем состоял налог, носивший в Молдавии название « илиш ». Лишь с привлечением венгерских источников, историкам удалось выяснить, что термин « илиш » венгерского происхождения и обозначает налог на хлеб²⁷.

²¹ V. Costăchel, *Les immunités dans les principautés roumaines aux XIV-ème et XV-ème siècles*, Бухарест, 1947, стр. 18—19.

²² Соловьев А. и Мошин В., *Грчке повеље српских владара*, Београд, 1936, стр. 412—413.

²³ N. Iorga, *Etudes byzantines*, II, стр. 396, 408.

²⁴ Соловьев А. и Мошин В., *Указанн. произв.*, стр. 413.

²⁵ V. Costăchel, *Указанн. произв.* стр. 19—20.

²⁶ М. Дьяконов, *Очерки общественного и государственного строя древней Руси*, С. Петербург, 1912, стр. 188.

²⁷ D. Prodan, *Despre iliş în Transilvania*. « Anuarul Institutului de Istorie Naţională », Клуж, VIII, стр. 361—373.

Сравнительное изучение румынского уголовного права в средние века также привело к ценным результатам, способствуя выявлению феодального характера румынского общества. С одной стороны сопоставление румынского уголовного права с общим правом, которое применялось в средневековой Европе, показало что румынское уголовное право составляет часть этого общего права; с другой стороны, что его основные принципы и вся система взятая в целом, имеет много общего с системой уголовного права Киевской Руси и соседних славянских народов.

Основным принципом всякого уголовного права является кровная месть, которая со временем была заменена системой выкупов. Эта система применялась и в румынских княжествах имея много общего с системой уголовных штрафов Киевской Руси. Согласно нормам румынского уголовного права за убитого взыскивался штраф, обозначаемый термином «глоба». Сравнивая терминологию румынских памятников с терминологией источников южных славян, встречаем много общего, и прежде всего термин «глоба». Так в «законике Стефана Душана» термин «глоба» упоминается несколько раз²⁸. Болгарские грамоты XIII — XIV веков так же упоминают термин «глоба». В болгарских иммунитетных грамотах термин «глоба» упоминается в связи с правами иммунитета и с запрещением должностным лицам вступать в села иммунитета, где они не имеют права «ни сядити ни связати ни глоба възяти». В источниках восточных славян, например, в «Русской Правде», термину «глоба» соответствует «голова», от которого происходят и другие формы, как «головник» и «головничество». Термин «голова» упоминаемый в «Русской Правде», как и выше упомянутые производные формы происходят от древне славянского слова «глава». На основании этого можно утверждать, что термин «глоба», упоминающийся в румынских грамотах и в памятниках южных славян, так же происходит от слова «глава». Наличие общей терминологии в румынских и славянских памятниках указывает и на общий принцип, лежавший в основе уголовного права: система уголовных штрафов.

Среди видов преступлений, характерных для румынского средневекового права — видное место занимает преступление, обозначенное термином «хитлѣнство». Изучение этого феодального института привело к целому ряду сближений и догадок в области права средневековой Европы. Исследователи этого вопроса установили, что румынский термин «хитлѣнство» происходит от венгерского слова «hitlen»³⁰. Преступление состояло в

²⁸ С. Новакович, *Указани. произв.*, стр. 3, 169, 188, 193.

²⁹ И. Срезневский, *Сведения и заметки о малоизвестных и неизвестных памятниках*, С. Петербург, стр. 12—22, 31—33.

³⁰ I. Bogdan, *Relațiile Țării Românești cu Brașovul*, Бухарест, стр. 1905, 395.

нарушении верности, в выступлении против господарской власти. Румынские бояре во время своей службы должны были соблюдать верность своему господарю, нести ему «верную и правую службу». Нарушение этой верности считалось изменой и наказывалось смертной казнью. Такой вид преступления был также наказуем и в Киевской Руси. Во французском феодальном праве этот вид преступления носил название «фелония». Так путем догадок и сближений исследователи этого вопроса вскрыли значение и феодальный характер этого средневекового института.

В области судебной процедуры особый интерес представляет обычай «гонения следа», который имеет общеславянский характер. Определение значения этого института, характерного для средневековой общины, не было бы возможным, без привлечения источников, относящихся к истории славянских народов.

Настоящее исследование поставило своей целью показать, какое огромное значение имело применение сравнительно-исторического метода в румынской медиевистике, как параллельное изучение феодальных институтов славянских народов способствовало выявлению различных феодальных аспектов румынского средневекового общества.

Исходной точкой исследования феодальных институтов румынского средневековья послужила терминология румынских памятников, очень своеобразная, с многочисленными заимствованиями у соседних народов.

Но историки, начиная исследование анализом терминов, упоминающихся в румынской дипломатике, были далеки от мысли считать, что сами термины являются основным предметом исследования. Лаконический и стереотипный характер румынских памятников, применение стандартных формул препятствовали установлению той конкретной действительности, которую они отображали. Поэтому то первой задачей исследователей было изучение терминологии и лишь потом раскрытие реальных взаимоотношений, которые скрывались под этой терминологией.

Наличие феодальных терминов, заимствованных у соседних народов, у которых уже сложились феодальные отношения, не является признаком того, что развитие феодализма у румын есть результат влияния соседей. Феодальный строй румынских княжеств был итогом их внутреннего развития, которое определялось местными социал-экономическими условиями³¹. Феодальная терминология, заимствованная у соседних народов, лишь оформляла уже сложившиеся феодальные отношения.

Зарождение феодальных отношений в румынских княжествах, не будучи обусловлено внешним влиянием, явилось результатом разложения родового

³¹ V. Costăchel, P. P. Panaitescu, A. Cazacu. *Viața feudală în Țara Românească și Moldova (sec. XIV—XVIII)*, Бухарест, 1957.

строя. От родовых отношений, минуя рабовладельческую стадию развития общества, румыны перешли к феодальным отношениям. Изучение древнейшего периода зарождения феодальных отношений сопряжено с большими трудностями из-за скудности местных источников. Поэтому то применение сравнительного метода в области общинного строя, главным образом сельской общины, создало возможность вскрыть процесс образования крупного феодального землевладения. С одной стороны удалось проследить процесс обезземеливания крестьян-общинников, как результат социальной дифференциации внутри общины; с другой стороны указать на расхищение общинной земли боярами и должностными лицами путем раздачи государями населенных земель. В сложный и трудный вопрос закрепощения крестьян, при помощи изучения сравнительных данных, было внесено много нового, что сделало возможным установить основные этапы процесса закрепощения крестьян и понять по-иному законодательные меры государей XVII века.

Применение сравнительно-исторического метода в румынской медиевистике способствовало более глубокому изучению феодальных институтов средневекового общества. Были достигнуты немаловажные результаты. Но в этом направлении предстоит проделать немалую работу, так как далеко еще не все вопросы были выяснены до конца.